

Chechen Diaspora in the countries of the Middle East: on the issue of generational continuity and socio-political dynamics of communities

A. K. Israilov¹, O. A. Morgunova¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-366-377

Research article
Full text in Russian

The article is concerned with little-studied dynamics of the Chechen and, more broadly, North Caucasian Diaspora in Jordan, Syria and Turkey, starting with the emergence of these communities in the 19th century during the era of the Ottoman Empire. The article traces a slow change in the character of these diasporic communities from the “exodus” from the Russian Empire to the building up of international relations with the Chechen Republic in the 21st century on the basis of “cultural similarity” and the importance of the idea of an ideal ancestral home.

The article argues that the Diaspora changed its character from a refugee Diaspora to an imperial Diaspora during the Ottoman Empire, and then became a “cultural Diaspora” with predominant narratives of cultural and geographical proximity with the country of origin a century after the resettlement. The article also argues that cultural and geographical similarity leads to the importance of ethnopolitical factor in international relations and diasporic politics.

Keywords: Diaspora; Muhajirs; Chechnya; Caucasus; Turkey; USSR; Russia

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Israilov, Adam K. | E-mail: adam-kadet@mail.ru
Postgraduate

Morgunova, Oksana A. | E-mail: o_morgunova@hotmail.com
Associate Professor

Чеченская диаспора в странах Ближнего Востока: к вопросу о поколенческой преемственности и социополитической динамике сообществ

А. Х. Исраилов¹, О. А. Моргунова¹

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-366-377

Научная статья

УДК 94:325.254+6:327.58

Полный текст на русском языке

Статья посвящена малоизученным аспектам динамики чеченской (шире – северокавказской) диаспоры в Иордании, Сирии и Турции. В статье на историческом материале показаны изменения характера диаспорических этнических сообществ от «исхода» из Российской империи до построения новых международных связей с Чеченской Республикой в XXI веке на основе «культурной общности» и важности идеи об идеальной прародине. В работе показано, как диаспора меняла свой характер от диаспоры-беженцев к имперской диаспоре в период Османской империи и доминированию культурно-географической общности со страной исхода спустя век после переселения. В статье аргументируется, что культурно-географическая общность тесно связана с этнополитическим аспектом в международных отношениях.

Ключевые слова: диаспора; мухаджиры; Чечня; Кавказ; Турция; СССР; Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исраилов, Адам Хамзатович	E-mail: adam-kadet@mail.ru Аспирант, кафедра теории и истории международных отношений
---------------------------	--

Моргунова, Оксана Алексеевна	E-mail: o_morgunova@hotmail.com Доцент, кафедра теории и истории международных отношений
------------------------------	--

Введение

За последнее десятилетие ученые и политики все больше осознают растущую роль диаспор в политической жизни отдельных стран и их влияние на международные отношения. Р. Кохейн, один из основоположников исследования диаспор в XX в., в книге «Введение в глобальную диаспору» отмечает, что исторически термин применялся исключительно по отноше-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

нию к евреям. Понятие диаспора, восходящее к греческим переводам Библии, было семантически связано с изгнанием, травмой и дополнено мифом символического возвращения на историческую «землю предков». Лишь с 1960–1970 гг. понятие «диаспора» стали применять по отношению к живущим вне своей родной страны, но поддерживающим с ней связь: к африканцам, армянам, ирландцам, грекам. Позднее в список добавились другие этнические и национальные группы [1]. Существуют определения диаспор, подчеркивающие внутриобщинные связи, корни, транснациональные черты. Общим в них является сохранение признаков этнонациональной идентичности, даже если она существует лишь в форме «воспоминаний», а члены диаспоры никогда не бывали на исторической родине [2–3].

Позицию диаспоры можно описать во взаимосвязи с триадой: «родная страна, диаспоральная общность, принимающая страна». Однако многообразие связей велико, и многие авторы, пишущие о диаспорах, отмечают, что требуется не только более глубокий уровень теоретизации диаспорических отношений, но и страноведческий подход, глубокое и системное изучение самих диаспор, деятельности их организаций, форм эмоционального, финансового, политического взаимодействия внутри упомянутой триады. Несмотря на изучение диаспор, все еще слабо на конкретных страноведческих примерах изучен такой аспект их существования, как преемственность и построение связей вне диаспор, в том числе в контексте смены поколений [4].

В XXI веке диаспоры приобрели «голос» в политическом пространстве и создали новые вызовы, нарушив дихотомию социально-политической «принадлежности», действуя в границах одного государства или как «международные» [5]. А. Беттс и В. Джонс подчеркивают, что диаспоры подвержены воздействию извне, с третьих сторон [6]. На примере Зимбабве и Руанды прослеживается политическая активность диаспор и их связь с деятельностью внешних – недиаспоральных акторов, способных изменить политические настроения в диаспорах. Так, диаспоры образуют особый уровень политических взаимодействий между межгосударственной и внутренней политикой [6].

Диаспора как тип транснационального актора обретает важность в связи с глобализацией рынков, политики и культуры. Механизмы влияний и особенности деятельности диаспор как «транснациональных акторов» в настоящее время являются предметом академических исследований. Когда исследования переводятся в плоскость реальной политики, они подпитывают ряд сложных и противоречивых дискурсов, возникающих вокруг диаспор как многоплановых транснациональных этнополитических акторов. В данной парадигме выделяют несколько типов диаспорических общностей: диаспору-жертву (образуется в результате какой-то катастрофы – еврейская, армянская и др.), рабочие диаспоры (индийская диаспора активно расселяется в мире в поиске работы), имперскую диаспору (вы-

нужденное переселение колонизованных народов или переселение представителей метрополий для управления и охраны территорий), торговую (использующую возможности создания бизнесов в других странах: ливанская и китайская) или культурную (основанную на культурной общности или общности судьбы – ямайская).

Опыт чеченской и северокавказской диаспоры в странах Ближнего Востока показывает, как они могут меняться на протяжении поколений в зависимости от внутренней политики принимающих государств и под воздействием внешнеполитических факторов. В данной работе мы предпримем попытку исторического анализа взаимодействия северокавказской диаспоры со страной исхода (Российская империя, позднее – Советский Союз) и принимающими странами, границы и государственность которых также менялись в рассматриваемый период.

Постоянно растущая с конца XX – начала XXI в. «новая» северокавказская диаспора – явление, характерное для стран Европы. На исходе XX века значительное число жителей Чеченской Республики были вынуждены уехать из родных мест в связи с глубоким гуманитарным и политическим кризисом на родине. «Новая» чеченская диаспора формировалась по типу «изгнание» в направлении с Востока на Запад. Большая часть мигрантов эмигрировали как беженцы в соответствии с Конвенцией 1951 г. Пик эмиграции чеченцев пришелся на 2003 г., когда 30 тыс. чеченцев обратились в УВКБ ООН с просьбой предоставить им убежище в странах Европы, а в следующем году обратилось еще 27 тыс. [7]. По различным оценкам в странах Европейского союза сегодня проживает от 70 до 150 тыс. чеченцев и их потомков [7]. В последние годы северокавказские диаспоры в традиционных для беженцев направлениях росли незначительно, и диаспоры Иордании и Сирии не испытали значительного притока новых переселенцев, за исключением Турции.

Целью статьи является исследование формирования северокавказских диаспор и преемственности исторического опыта вне западного (европейского) контекста, а именно их формирование в Турции, Сирии, Иордании на протяжении жизни нескольких поколений.

Ранний этап формирования диаспоры: исход диаспоры-жертвы

Первый этап формирования северокавказской (в частности чеченской) диаспоры приходится на период Кавказских войн, которые вела Российская империя на территории Северного Кавказа. Так, за десятилетие с 1858 г. из Российской Империи выехало более полумиллиона жителей Северного Кавказа. Миграция была в значительной степени вынужденной: российские власти уплотняли население казаками, сокращая земельные наделы коренных народов, переселяли горцев в долины. Формально выезд с целью поселиться на новых землях Османской империи был добровольным; российские власти и турецкие эmissары активно мотивировали жителей гор

переезжать, распространяя агитационные слухи и информацию. И если для Российской империи важно было избавиться от воинственных горцев и освободить плодородные земли для казаков, то Османская империя планировала создать с помощью переселенцев буферную зону на своих окраинах для укрепления границ.

Переселенцев с Северного Кавказа часто называют мухаджирами. Поскольку формально переселение происходило добровольно, часть исследователей считает термин верным: в арабском языке мухаджиром именуют добровольного мигранта по религиозным мотивам. Правомерность использования термина оспаривает С.-Э. С. Бадаев, объясняя переселение чеченцев в Османскую империю влиянием царской администрации и турецких эмиссаров.

Переселенцы получали в Османской империи на территории современных Турции (в районе Диярбакыра), Сирии (район Рас-эль-Айн) и после 1901 г. в Иордании (в г. Зарка, который они основали, и селах Сувейлих, Сухна и Русейфа) [8] земельные наделы. Однако земля была «дикой», а климат и болезни – непривычными [9–10]. Попытку превратить переселенцев в крестьян нельзя считать удачной. В результате происходит обратная миграция в Российскую империю.

Формально путь обратно в Россию для мигрантов был закрыт. Так, в 1872 г. переселенцы-черкесы через посла Российской Империи в Стамбуле Н. П. Игнатьева направили Александру Второму письмо, в котором просили разрешения вернуться обратно. Царь наложил резолюцию: «...О возвращении и речи быть не может...» [11]. Известны случаи, когда чеченцы, которые пытались пройти через границу, чтобы вернуться, были рассеяны турецкими войсками; среди мухаджиров имелись убитые и раненые [12].

Эмиграция с Северного Кавказа в Османскую империю продолжалась. В конце XIX века царские власти стали препятствовать исходу северокавказцев, выпуская тех, кто представлялся политически неблагонадежным. По мнению С.-Э. С. Бадаева, причина кроется в необходимости сохранить земледельцев, привыкших работать на кавказской почве, а также в стремлении лишить Османскую империю возможности формировать кавказские военные подразделения [13]. Эмиграция продолжалась только под предлогом хаджа [12].

Альтернативным занятием для переселенцев стала военная служба, причем не только в составе регулярной армии. Активно горцы привлекались к парамилитарной службе на окраинах Османской империи, в частности для противостояния армянам, друзьям и бедуинам [14]. Готовность горцев к военным занятиям подтолкнула Порту использовать их в качестве инструмента для проведения своей кавказской политики, потенциально в качестве национальных военных формирований в сражениях с Российской империей.

На службе Османской империи: формирование этнополитической ниши диаспоры

Следующий этап формирования северокавказской диаспоры связан с актуализацией османской идентичности, осознанием себя «укорененными» на османской земле. Активное привлечение мухаджиров к добровольной военной службе, формирование военных подразделений привели к тому, что к началу Первой мировой войны северокавказцы стали неотъемлемой частью османской военной элиты. К примеру, Шевкет-паша – потомок чеченских эмигрантов – занимал в разные периоды посты военного министра, министра иностранных дел и великого визиря Османской империи [15]. Спустя несколько десятилетий представители северокавказской диаспоры начали играть значительную роль в дипломатии, в том числе в период формирования новых государственных образований на Кавказе после русских революций.

«Карьерный рост» мухаджиров привел к тому, что у диаспоры, помимо «мифа» об общей родине – Северном Кавказе (диаспорическое воображение видело его местом возвращения, мифологизировало образ страны исхода), появилась еще одна идентичность – османская. Ее «укоренению» способствовала учеба в османских учебных заведениях, в том числе и военных, а также представление об Османской империи во главе с султаном-халифом как об общем доме мусульман [16].

Новая идентичность строилась на представлениях об общей родине (*земля предков* в диаспорическом воображении), борьбе за ее независимость (совместная деятельность диаспоры), а также в представлении об Османской империи как о новом, пусть и временном, но все-таки доме, с которым чеченскую диаспору связывала общая судьба. Так, Эшраф Сенсер Кушчубаши, один из основателей османских спецслужб, сказал, что, будучи черкесом, он не может не мечтать о свободном Дагестане¹, но в первую очередь он мусульманин, подданный османского султана, который говорит на турецком языке [16].

После прихода к власти младотурок в 1908 г. началась «золотая эра» для северокавказской диаспоры в Османской империи. Меньшинство, уже занимавшее в политической элите определенное место, начало активно артикулировать на уровне общественного дискурса солидарности диаспоры и формировать «национальное будущее» [16], связанное с образом независимого Кавказа. Северокавказцы получили возможность создавать свои общественные организации и средства массовой информации. Первой стало Черкесское общество взаимопомощи, которое объединяло и «взяло под опеку» представителей северокавказских народов [14]. Организация ставила целью разностороннюю поддержку представителей Кавказа до появления

¹ Под Дагестаном часто подразумевали весь Северо-Восточный Кавказ; в свою очередь Эшраф Сенсер, будучи черкесского происхождения из племени убыхов, мог иметь в виду весь современный Северный Кавказ

у них возможности репатрироваться на родину, инициировала издание первой черкесской газеты «Çerkes Yardimla ma DerneZi» («Черкесская ассоциация помощи») на турецком языке [17]. В 1914 г. в Стамбуле была учреждена общественная организация, ставившая перед собой политические цели по освобождению Кавказа – Комитет народов Кавказа (КНК), объединивший представителей Северного Кавказа и Закавказья.

Этнополитическое мифотворчество и создание идеализированной «потерянной родины» в диаспорическом воображении проявилось и в следующий период – при формировании новых государственных образований на Кавказе после исчезновения как Османской, так и Российской империй.

Цель революций в России обозначила начало метаний сообществ в диаспоре между различными международными акторами: от попыток найти поддержку идеи независимого Кавказа у Германии, Австрии и Британии до поддержки большевиков. Как и большинство диаспор XX в., северокавказская диаспора в Османской империи не была единой политически. Г. В. Чочиев выражает мнение, что среди северокавказцев присутствовали представители феодальных кругов, сторонники власти султана, и те, кто поддерживал Кемаля Ататюрка и национальное движение, и сторонники демократических перемен по европейскому пути. Общество единения Кавказа, действовавшее преимущественно в Османской империи, 20 ноября 1917 г. направило обращение Стокгольмским и Бернским мирным конференциям с просьбой «...признать Кавказскую Конфедерацию (возникшую в тот момент на Северном Кавказе. – *Прим. авторов*) в составе Российской Союзной Республики...» [18]. Диаспора обеспечивала новые государственные образования на Кавказе дипломатическими связями, каналами СМИ, а также доступом к высшему руководству Османской империи и затем Турции.

По отношению к горцам Северного Кавказа мухаджире, занимающие дипломатические должности, выполняя свои функции, сохраняли двойную лояльность: исторической родине и Турции. Диаспора смогла организовать и приток добровольцев для защиты Горской республики, о чем свидетельствует деятельность Кавказской исламской армии и деятельность Султана Мурада, прибывшего на Кавказ из Иордании.

Политическая активность представителей северокавказской диаспоры по отношению к достижению независимости Кавказа встречала критику со стороны общественности. Так, в одной из турецких газет был опубликован комментарий, где отмечалось, что кавказцы, конечно, должны переживать и имеют право думать о проблемах своей родины, но не должны забывать про свой долг перед Турцией [16].

Значительную военную роль сыграла диаспора и во время войны за независимость Турции. Представители северокавказских народов сражались по обе стороны баррикад. Важную роль в объединении мухаджиров вокруг Ататюрка сыграл военно-морской министр, один из видных деятелей диас-

поры, черкес Хюссейн Рауф-бей [16]. В условиях ослабления турецкой регулярной армии, неспособной противостоять интервенции стран Антанты, ставка делалась на партизанские методы ведения войны и мухаджиров.

Не все северокавказцы поддержали объединение вокруг Мустафы Кемалю. В Северо-Западной Анатолии представитель черкесской знати Ахмед Анзавур [19] поднял восстание против кемалистов и поддержал интервенцию Антанты. Восстание первоначально проходило под лозунгами поддержки халифа и борьбы с «масонами» [20]. Для подавления восстания были направлены войска, состоящие преимущественно из северокавказцев, сначала во главе с Юсуфом Иззет-пашой. Он подвергся критике за нежелание вступать в бой с «земляками» и стремление разрешить ситуацию мирно. Ему на смену был направлен Этхем Черкес. Ему удалось подавить восстание, прибегнув к крайней жестокости, в том числе по отношению к черкесам.

Положение чеченцев и других северокавказских народов на территории Сирии, Иордании, Ливана, Ирака и Палестины резко изменилось, когда регион вошел в состав подмандатных территорий Франции и Великобритании. Сирия и Иордания были регионами становления арабской национальной борьбы. Северокавказцы оказались в положении национального меньшинства и одновременно представителями уходящей Османской империи, ее ставленниками. Положение чеченцев и черкесов характеризовалось негативным отношением к ним со стороны как европейских управленцев, так и местного населения. Они воспринимались представителями чуждой коренному большинству имперской власти [21]. Вплоть до провозглашения независимости Сирии в 1946 г. чеченцы и другие северокавказцы были окружены враждебностью друзей и бедуинов, с одной стороны, и французских властей – с другой. Диаспора мухаджиров сплотилась, о чем свидетельствует то, что все северокавказцы объединились вокруг Черкесского благотворительного общества, возникшего в Дамаске [21]. Чеченцы как национальное меньшинство в Турции были лишены возможности изучать родной язык в течение десятилетий (государство стремилось к стиранию этнических различий) [22], но представители диаспоры смогли его сохранить.

Построение отношений диаспоры с Чечней в XX и XXI вв. на основе культурно-географической близости

На протяжении второй половины XX в. представители северокавказской диаспоры сохраняли интерес к исторической родине и этнокультурные традиции. В Турции создавались различные организации, как просоветской ориентации, что выражало стремление потомков мухаджиров иметь возможность поддерживать контакты с родной землей, так и антисоветской направленности [22]. В Сирии многие северокавказцы активно вступали в левые и прогрессистские организации, в том числе ради воз-

возможности посетить Советский Союз [23]. При посещении Советского Союза по различным обстоятельствам представители северокавказской диаспоры из Сирии и Иордании пытались обязательно посетить Северный Кавказ, который продолжали видеть своей исторической родиной, лелея образ, существовавший в воображении. Так, иорданский бригадный генерал чеченского происхождения Абд аль-Латиф Сайед-Батал Бено, будучи военным атташе Иордании в СССР, просил маршала Н. В. Огаркова согласовать его поездку в ЧИАССР. Уговаривал он его следующими словами: «Самая красивая страна в мире – СССР. А в СССР самое красивое место – это Кавказ, а на Кавказе – Чечня, а в ней самым красивым местом считаю родину своих предков Беной. Как же я могу туда не поехать?» [24]. Имеются свидетельства об обращении северокавказцев в консульские учреждения Советского Союза с просьбами разрешить репатрироваться на родину и обучаться в СССР, чему советские власти придали большое значение и оказывали помощь диаспоре через Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами [25].

Начиная с 1990-х гг. растет внимание диаспоры к происходящему на Кавказе в связи с распадом Советского Союза. Сочувствие и стремление помочь исторической родине было усилено политическими и гуманитарными кризисами в регионе. Диаспорические сообщества формируют и активную политическую повестку по отношению к новым государственным образованиям на Кавказе.

В 1990-е годы диаспоры в Иордании и Сирии (в частности, лидер чеченской диаспоры А. Б. Джамо) [26] и Турции заняли прямо противоположные позиции. Диаспора в Турции всячески поддерживала так называемую Чеченскую Республику Ичкерия [27]. В обоих случаях наблюдалась некая «цепная реакция»: конфликт на Северном Кавказе способствовал росту этнической солидарности, а увеличение роли национальной идентичности способствовало поддержке тех или иных структур на Северном Кавказе. Если диаспора в Турции поддерживала националистические и сепаратистские структуры, то иорданская диаспора призывала к мирному и компромиссному решению чеченского конфликта, учитывающему как право чеченского народа на самоопределение, так и право территориальной целостности Российской Федерации [28].

Диаспора как политический актор проявила себя и в период сирийского кризиса, начавшегося в 2011 г. Четко обозначенная, но нейтральная позиция диаспоры, предпочитавшей не занимать сторон в данном конфликте, вызвала негативную реакцию со стороны властей Сирии и оппозиционных групп [29]. Тяжелые условия жизни и опасения за свою жизнь способствовали новому этапу миграции потомков северокавказцев. И если многие переселялись из Сирии к своим «родственникам» в Турцию и Иорданию, то значительная часть потомков мухаджиров приняла решение репатри-

ироваться в Россию, завершив тем самым миграционный путь, начатый в XIX веке.

Выводы

Горцы, выехавшие из Северного Кавказа в Османскую империю в конце XIX века, создали существовавшую более века диаспору. Их сообщества прошли несколько периодов – от колебаний в правильности решения и попыток вернуться до создания собственных СМИ и вхождения в элиту принявшего государства, формирования национального меньшинства, которое характеризовалось двойными солидарностями. На протяжении полутора веков диаспора продолжала активно участвовать в политической борьбе, формируя свою повестку в связи с судьбами как страны происхождения, так и их страны проживания.

Характер диаспоры значительно изменился на протяжении времени. Первоначально чеченская диаспора в Османской империи формировалась в результате кавказских войн (катастрофы), что характеризует ее как диаспору-жертву. Однако расселение чеченцев и северокавказцев на территории современной Турции, Сирии и Иордании османскими властями, формирование этнического присутствия в определенной (военной и дипломатической) сфере привели к тому, что диаспора приобрела характер имперской, чьи идентичности, занятия и расселение объяснялись задачами империи, на службе которой находились чеченцы. Позднее доминирующей в чеченской диаспоре стран Ближнего Востока стала культурно-географическая идентичность, в основе которой лежала та же идея «возвращения в покинутую родину, страну исхода». Несмотря на то что большинство этнических северокавказцев на Ближнем Востоке не имели личного опыта жизни на Кавказе, именно культурные и географические «ориентиры» диаспоры продиктовали ее политические шаги в условиях кризисов конца XX – начала XXI в.

Ссылки

1. Cohen R. *Global Diasporas: An introduction*. Abingdon: Routledge. Taylor & Francis Group, 2008. 238 p.
2. Lyons T. *Engaging Diasporas to Promote Conflict Resolution: Transforming Hawks into Doves*. Institute for Conflict Analysis and Resolution, George Mason University, 2004. URL: www.tamilnation.org/conflictresolution/lyons.htm
3. Mearsheimer J. J., Stephen M. W. *The Israel Lobby and US Foreign Policy*. Working Paper. № RWP06–011. Kennedy School of Government, Harvard University. 2006. 496 p.
4. Toivanen M., Baser B. *Diasporas' Multiple Roles in Peace and Conflict: A Review of Current Debates* // *Migration letters*. 2020. Vol. 17, No. 1.. P. 47–57.
5. Al-Ali N., Koser K. *New Approaches to Migration?: Transnational Communities and the Transformation of Home*. 1st ed. Routledge, 2002. 264 p.

6. Betts A., Jones W. The animators: how diasporas mobilise to contest authoritarian regime. The impact of diasporas. Oxford: Oxford Diasporas Programme, 2015. P. 36–38.

7. Чеченцы / Э. С. Абдулаева [и др.]; отв. ред.: Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Комплексный науч.-исслед. ин-т им. Х. И. Ибрагимова. М.: Наука, 2012. 621 с.

8. Зеиб Башир Мухаммад Малямих Ан ат-тарих аш-шишан фи Аль-Урдун (Особенности истории чеченцев Иордании). Jordanian Chechen Site. 2021. URL: <https://clck.ru/38P7Df>

9. Asan H. Kırım-Kafkasya Muhacirlerinin Karşılaştığı Sorunlar: Diyarbakır ve Çevresi Örneği // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. 2021. Vol. 10, No. 2. P. 1941-1954.

10. Шавлаева Т. М. Хозяйственная деятельность чеченских мухаджиров в первые годы депортации // American Scientific Journal. 2019. No 28. С. 9–12.

11. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2001. 118 с.

12. Исакиева З. С., Акаев Т. Р. О чеченской диаспоре за пределами России: Лучшая студенческая статья 2018: сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 91–95.

13. Бадаев С.-Э. С. Некоторые особенности внутренней и внешней политики российского самодержавия после окончания Кавказской войны (на примере дагестанского мухаджирства) // Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы: материалы научно-практической конференции (27 марта 2004 г.) / под ред. Б. А. Хазбулатова, Х.Б. Навразова, Р. А. Буралова, Т. И. Серганова. Грозный: РОО «ИЦ ЧР», 2004. Т. 2. С. 116–121.

14. Chochiev G. On the history of the North Caucasian diaspora in Turkey // Iran and the Caucasus. 2007. Vol. 11, No. 2. P. 213-226..

15. Военная элита Турции из потомков чеченских мухаджиров / Л. М. Гарсаев, Х. А. М. Гарасаев, Р. М. Магомедова, И. С. Гусейнова // Образование и право. 2020. № 8. С. 420-425. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10879.

16. Gingeras R. The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora, 1914–1923 // European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. 2011. DOI 10.4000/ejts.4424.

17. Wessenlink E. The North Caucasian Diaspora In Turkey. 1996 URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6a6bc8.html>

18. Чочиев Г. В. Кавказоориентированная деятельность черкесской политической элиты в Турции в 1918–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42): в 2 ч. Ч. I. С. 205–208.

19. Чочиев, Г. В. Черкесы Северо-Западной Анатолии в период национально-освободительной борьбы в Турции (1919-1921 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1. С. 189-192. EDN XXWDIP.

20. Gingeras R. Notorious subjects, invisible citizens: North Caucasian resistance to the Turkish national movement in northwestern Anatolia, 1919–23 // *International Journal of Middle East Studies*. 2008. Vol. 40, Issue 1. P. 89–108.

21. Бадаев С.-Э. С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность: монография. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат имени Революции 1905 г., 2008. 315 с.

22. Цибенко В. В. Фактор нацстроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции: дис. ... д-ра ист. наук / научный консультант Т. В. Каширина; ДА МИД России. М., 2022, 565 с.

23. Алиев Б. Р. Северокавказская диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока: история и современные процессы, вторая половина XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2001. 264 с.

24. Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М. Чеченские мухаджиры и их потомки в истории и культуре Иордании. Грозный: Грозненский рабочий, 2019. 415 с.

25. Эшба Э. Д. Черкесы в СССР и их связи с зарубежной диаспорой // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. № 1. С. 87-91. EDN VKQKHZ.

26. Haines J. R. The inseparable twins, Diaspora shishan and chechen wuwahhidun and jihadism in Al-sSham. *The Philadelphia papers*. №7. 2014. p. 40 URL: <https://www.fpri.org/article/2014/11/the-inseparable-twins-diaspora-shishan-and-chechen-muwa%E1%B8%A5%E1%B8%A5idun-jihadis-in-al-sham/>

27. Besleney Z. A. *The Circassian Diaspora in Turkey: political history*. New-York: Routledge, 2014. 204 p.

28. Умалатов У. Б. Чечня глазами чеченца. М.: Газета «Известия», 2001. 256 с. URL: <https://neb-chr.ru/reader/?check=160-69207a9a7970d359d731b978f86a77bd>

29. Рыжов И. В., Бородина М. Ю. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность // *Труды Института востоковедения РАН*. 2017. № 5. С. 423-436. EDN XSRLYD.